

**ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ
МЕДИЦИНЫ
(МОСКОВСКИЙ ФИЛИАЛ)**

ФАШИЗМ В ПСИХОНЕВРОЛОГИИ

19

34

БИОМЕДГИЗ

ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ
МЕДИЦИНЫ
(МОСКОВСКИЙ ФИЛИАЛ)

ФАШИЗМ В ПСИХОНЕВРОЛОГИИ

СОСТАВИЛИ

Л. С. ВЫГОТСКИЙ, В. А. ГИЛЯРОВСКИЙ,
М. О. ГУРЕВИЧ, М. Б. КРОЛЬ,
А. С. ШМАРЬЯН И ДР.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БИОЛОГИЧЕСКОЙ И МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1 9 3 4

Германский фашизм в стремлении подвести философские основания под свою классовую идеологию пытается опереться на биологические и медицинские знания, создавая звериную теорию «расизма». Настоящая работа бригады ВИЭМ дает обзор фашистской расовой теории и оценку ее и представляет собой значительный интерес для советских врачей и широких кругов подготовленных читателей.

Редактор Л. Альтшулер. Техред А. Филева. Зав. корр. Голицына.
Отв. за выпуск в типографии А. Герман.

Уполномоч. Главлита Б 39333 Медгиз 206. МД 4. Тираж 5200.
Формат 62×94¹/₁₆. Печ. л. 1³/₄. Зн. в 1 п. л. 47000. Авт. л. 2,2.
Сдано в тип. 3/VII 1934 г. Подписано к печати 2/IX 1934 г.

Типо-литография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18. Н. 457

Победоносное строительство социализма в Стране советов открывает огромные перспективы развития наук и в частности психоневрологических. Организация Всесоюзного института экспериментальной медицины, который по докладу правительства на последней сессии ЦИК явится в этом году наиболее крупным объектом в области культурного строительства, создает совершенно невиданные возможности для изучения и для открытия новых закономерностей человеческого организма, для борьбы за его здоровье и укрепление, для преодоления условий, ведущих к заболеванию, для создания жизнерадостной бодрой смены. Медицина в частности и психоневрологические науки в особенности находят исключительно благоприятные условия для своего развития в развертывающемся социалистическом строительстве, содержащем все предпосылки для оздоровления трудящихся масс и каждого трудящегося в отдельности. Рост благосостояния рабочего и колхозника, облегчение трудовых процессов путем максимальной их механизации, мыслимой лишь при том размахе индустриализации, который составляет основу ленинской генеральной линии коммунистической партии, социалистические методы труда, ликвидация всех видов эксплуатации, заинтересованность всех трудящихся советского государства в росте его мощи, его богатства, его продукции, его культурного и материального уровня — вот реальные конкретные факторы нашего социалистического строительства. Мы все уже являемся свидетелями, как наши методы, как формы социалистического труда переделывают сознание людей. Пример Беломорско-Балтийского строительства — лишь одна из наиболее ярких, наиболее эффектных, непосредственно осязаемых иллюстраций роли в этой области социалистического труда, социалистического строительства.

Пафос нашего строительства сказывается и в пафосе и в значительности нашей научной тематики. Ставятся основные проблемы, пересматриваются, совершенствуются медицинские методы, они обогащаются последними выводами и данными физико-химических и естественных наук. Планирование науки, ставшей основной осью социалистического строительства, подняло всю научную работу на значительную высоту, вовлекло научные коллективы в активную работу, увеличило целеустремленность научной деятельности, создало небывалый размах применения и

в области научной работы социалистических форм труда. Нет пределов наступательному движению советской науки, нет пределов насыщения ее все новыми и новыми кадрами работников.

В области психоневрологии мы также наблюдаем пышный расцвет. На основе марксистско-ленинской теории советская психоневрология, психология и психогигиена открывают исключительные перспективы разрешения своих основных узловых проблем в разрезе исторических задач культурного строительства во второй пятилетке. Около сотни нервных и психиатрических клиник, мединституты, нервных отделений и психиатрических больниц, научно-исследовательских институтов и лабораторий и во главе их учреждения ВИАМ готовят кадры молодых ученых и работников в области психоневрологии, энтузиастов социалистической стройки на участке психоневрологии. В них в плановом порядке ставятся актуальные проблемы и разрешаются под углом зрения социалистического строительства, освоения техники исследования, лечения и оздоровления, профилактики и психогигиены. Объектом научной работы всех упомянутых научных центров является все тот же строитель социализма, рабочий и колхозник, работник умственного труда и служащий советского государства, в котором ликвидирован последний капиталистический класс — кулачество. На этом фоне беспредельно, безбрежно развертывающейся в Стране советов науки, медицинской и психоневрологической в частности, весьма поучительно присмотреться к тому, в каком направлении заставляет работать «свою» науку фашизм, ставший в некоторых капиталистических государствах у власти.

Борьба двух систем — растущего творческого социализма и распадающегося, гниющего капитализма, сжатого в железные тиски мирового кризиса, — становится все более жестокой.

Финансовая буржуазия отбрасывает либерализм и демократизм и переходит к открытой форме диктатуры, к кровавому оружию фашизма. Оголтелая, цинично откровенная диктатура буржуазии, фашизм, социал-фашизм — направлены против революционного пролетариата, против учения Маркса—Энгельса, Ленина, Сталина.

Установление фашистской диктатуры сопровождается одновременно и борьбой за фашистскую культуру, за идеологическое обоснование фашизма.

Придя в ряде капиталистических стран к власти, фашизм озачинен теоретическим обоснованием своего господства. Прошли времена, когда промысел божий по мнению капиталистов достаточно оправдывал насилия «помазанников». В XX столетии буржуазия заставляет свою науку выполнять роль, которую раньше выполняла церковь. Капитализм в фазе загнивания уже не заинтересован в развитии научной мысли, не заинтересован в умножении кадров. Было бы неправильно утверждать, что наука на Западе не дает нам ценных продуктов своих исследований. Много лабораторий и институтов в странах капитала и в част-

ности в странах фашизма еще могут служить образцом организации научной работы. Многому еще мы должны научиться, чтобы догнать и перегнать некоторые из буржуазных научных учреждений. Но вместе с тем нельзя отрицать факты, которые вопиют и которые являются предметом жалоб всех научных работников Запада. На наших глазах сокращается доступ в высшую школу, затрудняется научная работа, сковывается научная мысль, направляемая к услужению загнивающему капитализму, к обоснованию политики воинствующего фашизма. Таким образом только для слепых еще не демаскированы тенденциозные побасенки об аполитичности, о внеклассовости, о надклассовости науки. В самых казалось «аполитичных» областях науки, как в оториноларингологии, ученые добросовестно выполняют специальные заказы хозяина. Так, в отзыве о книге приват-доцента Лейхера „Die Ueberbung anatomischer Variationen der Nase, ihrer Nebenhöhlen und des Gehörorgans («Исследование анатомических вариаций носа, их придаточных полостей и органа слуха»), вышедшей из Франкфуртской ушной клиники, мы читаем: «Особенный интерес представляют исследования о форме носа у родившихся от смешанных браков евреев и неевреев». Актуальность таких исследований в современной Германии, где забота о «чистоте расы» — основной пункт политики, очевидна сама собой. Одновременно она достаточно характеризует уровень и направление научной мысли, о которой довольно ярко высказался министр пропаганды Геббельс: «Наука, искусство, культура должны быть подчинены требованиям политики. Нам не нужна либеральная объективная наука. Критерием науки должна быть полезность или вредность государству». Наука призвана помочь фашизму в его попытке перед лицом угрожающей опасности растущей мощи пролетарских революций повернуть вспять колесо истории, обезопасить капитализм от приближающейся гибели. Фашистская наука в первую очередь должна расправиться с прогрессивными течениями, безжалостно вскрывающими объективные закономерности исторического процесса и тем самым поднимающими завесы неприятного будущего.

Отсюда борьба против материалистического мировоззрения, не говоря уже конечно о сознательном материализме Маркса, Энгельса, Ленина, против технического прогресса, против атеизма, против растущего пролетарского интернационализма. Отсюда резкое усиление средневековых веяний в буржуазной науке — рост мистики, религии, воинствующего идеализма и антитехнизма — как наиболее яркое выражение идеологии загнивающего капитализма. Фашизм выдвигает идеи борьбы за возврат к первобытности, за примитивность и чистый биологизм форм бытия. Биология, медицина, психология призваны сыграть решающую роль в средневековой идеологии фашизма. В психиатрии в значительно большей степени, чем в других областях медицины, проявляется рост воинствующего идеализма, мистики открытой религии в тесной единой структурной связи с идеями расизма и

национализма. Наиболее популярными философскими концепциями в современной психиатрии являются бергсонизм, новейшие разновидности махизма, неокантианства и неогегелианства. Отбрасывая гегелевскую диалектику, фашисты пытаются в реакционной стороне учения Гегеля, в его абсолютном идеализме найти теоретическое обоснование своей политики.

Учение об «Нотме» Монакова, élan vital Бергсона, психоаналитические учения о бессознательном, психовиталистические концепции Блейлера, учение «geisteswissenschaftliche Psychologie» об имманентных качествах души являются выразителями того глубочайшего кризиса, которым потрясена буржуазная психоневрология, и показателем того тупика, куда зашла последняя в своем развитии. В борьбе с основными положениями материализма многие психиатры, как и представители других отраслей медицины, переходят на позиции открытой мистики и поповщины.

Так, Блейлер, крупнейший психиатр современной эпохи, один из основоположников учения о шизофрении, в целом ряде работ защищает позиции витализма и махизма, а в исследованиях последних дней переходит к открытой поповщине. Блейлер пишет предисловие к книжке по оккультизму, участвует в оккультистских сеансах с медиумом и пытается их «научно» обосновать.

Эти сеансы проводит известный в оккультистских кругах как самый «сильный медиум» Руди Шейдерс.

Из работы Шренк-Нотцинга с предисловием Е. Блейлера мы узнаем, что последний сейчас занят «научным обоснованием проблем мистики и спиритизма». На этом примере можно лучше всего продемонстрировать правильность марксистско-ленинского прогноза о путях развития буржуазной культуры и науки в условиях распада и загнивания капитализма. Наряду с этим мы можем видеть, как некоторые психиатры идут впереди по линии непосредственной помощи в укреплении фашистской политики и пытаются свои высказывания превратить в действительно практические для фашизма. Так, Эвальд в своей популярной работе о «большой психотерапии», излагая последовательно различные психотерапевтические концепции, останавливается на проблеме так называемого «рентного невротика».

Эвальд, анализируя основные механизмы «невротических образований», приходит к выводу, что последние («невротики») являются следствием воли к болезни, ибо «не хотят больше возвращения на фронт». Эвальда главным образом беспокоит вопрос о том, что из таких лиц нельзя вербовать фашистских штурмовиков. Эвальд указывает национал-социализму на необходимость обратить внимание на то, что у травматических невротиков «мало героического в поведении», а преобладают домогательские тенденции и желания «я» над «общественным» в личности. Буржуазному ученому, приказчику фашизма, не дана возможность вскрыть истинные корни и механизмы фиксирования невротических образований, ибо они интимно связаны со всем

социально-классовым существом личности и тех глубочайших противоречий, которые особенно глубоко выявились в послевоенную эпоху всеобщего кризиса капитализма.

Лучшим теоретическим подтверждением основных закономерностей генеза невротических образований, в частности травматического невроза, является резкое снижение этой группы невропсихической заболеваемости в условиях социалистических форм труда в эпоху социалистической реконструкции всего народного хозяйства и развернувшейся на этой основе громадной работы по социалистическому перевоспитанию человека. Широко поставленная у нас психогигиеническая работа во всех областях общественно-производственной и культурной жизни максимально способствует расцвету творческих возможностей личности и одновременно оздоровлению группы травматических невротиков и различных психопатических личностей.

Одновременно в капиталистическом мире колоссальный рост безработицы, неуверенность в завтрашнем дне, нищета, голод и фашистский террор максимально способствуют росту невротических заболеваний и психопатических реакций. Психогигиена, психопатология и психология охотно выполняют социальный заказ фашизма по основным вопросам «оздоровления» нации.

Буржуазно-индивидуалистические, идеалистические концепции о психологии личности, генетические и расово-гигиенические теории в психиатрии подкрепляют фашистскую философию и социологию в проблеме «вождя и массы», в обосновании расизма и национализма. Фашизм, создавая ницшеанский культ «сверхчеловека», «гения, воплощающего великие расы», одновременно требует рабской слепой покорности со стороны широких масс. Основная задача — покорность фашистскому вождю и полное солдатское обезличение «я» и растворение его в «национальном целом»: лишь «избранные умы» способны управлять, а масса должна уметь молча выполнять волю фашистского вождя как мессии новой эпохи.

Психология помимо общих рассуждений должна и «экспериментально» доказать одаренность буржуазно-помещичьих классов «аристократов интеллекта» и неполноценность пролетариата в первую очередь.

Брем в работе «Интеллект и социальный слой» (*Archiv für Rassenbiologie*, 25, 1931) на основе исследований учащихся средних, народных и вспомогательных школ приходит к установлению положительной взаимосвязи между принадлежностью к определенному «социальному слою» и способностями к школьным занятиям.

Автор приходит к выводу, что социально более высокий слой, т. е. буржуазия, биологически и тем самым психологически, как он выражается, более полноценен.

Интеллектуальная одаренность по Брему возрастает по мере повышения его социально-классовой лестницы. Для Брема является бесспорным, что низы (в первую очередь пролетариат)

обладают низким интеллектом. Отсюда и тезис о биологической и психологической неполноценности пролетариата.

Люксенбургер, известный генетик, психиатр, современный знаменосец фашизма в психиатрии, находит поддержку и охотно цитирует работу Брема. Люксенбургер лишь подчеркивает эндогенно-наследственную обусловленность биологической и интеллектуальной малоценности пролетариата. Люксенбургер подчеркивает, что именно от пролетариата идут «социально-биологические опасности, угрожающие немецкому народу». «Die sozialstreberische Gesinnung, der Bildungswahn und die dadurch bedingte Uedetfüllung der akademischen Berufe mit der Proletarisierung des «Geistes als Endsland». Близко к этому положению примыкает положение Яспера, что кризис современной науки зависит от того, что она становится достоянием массы. Пришли в науку плебеи — ученые и это — основная причина кризиса.

В проникновении масс в науку, росте техники и научном утилитаризме психиатр Ясперс видит основное зло современной эпохи. Реакционные утверждения Ясперса целиком подкрепляют фашистов Люксенбургера и других в их обосновании расизма и национализма и представляют самое неприкрытое зоологическое проявление ненависти к пролетариату как гегемону всех трудящихся в борьбе за социализм.

II

Германский фашизм выделяет расовое начало в качестве основы социологии, философии, истории, искусства и религии, биологии и медицины.

Происходит процесс перестройки науки на основе расизма и национализма. Так, в «Deutsche Zentralzeitung» от 18/VI 1933 г. проф. Фаширра в статье «О задачах евгеники» пишет: «Основная задача евгеники — борьба с дурной наследственностью, которая приносится другими нациями в немецкую расу. Евгеника борется за одаренность, против смешанных рас, которые создают дурную наследственность. Не допускать вторжения других наций в кровь немецкой нации, сделать биологически возможной вечную жизнь немецкого народа — таковы задачи евгеники».

В расовой теории учителями фашистов являются Гобино, Чемберлен, Вольтман, Фридрих Ленц. Ленц в своей работе «Об отношении национал-социалистов к расовой гигиене» дает развернутую воинствующую программу фашизма в области расово-биологических проблем. Ленц пишет: «Гитлер и его движение являются первыми политическими инстанциями, поставившими расовую гигиену как центральную ответственную задачу политики».

От национал-социализма Ленц ожидает нечто великое в проведении действительной расовой гигиены. Люксенбургер наряду с расовой гигиеной выдвигает для обоснования фашистского уче-

ния о расе вопросы биологии воспитания и психической гигиены в ее тесной связи с учением о наследственности. Все социально-экономические и политические вопросы растворяются в расовом и национальном вопросе. Главенствующую роль в оздоровлении и развитии общества по мысли автора должно сыграть средневековое мистическое, таинственное понятие о «Vitalrassen». В проблеме преступности возрождается старое, довольно популярное реакционное учение ломброзианства о наследственно-биологической природе преступника. «Криминальная биология» в лице психиатров-криминологов Родена, Рюдина, Фирнштейна разрабатывает мероприятия по борьбе с преступностью на основе чисто наследственно-биологических и евгенических показателей. Вполне ясен классовый смысл этой теории, направленной к тому, чтобы биологизированием скрыть социально-классовую природу преступности и криминогенности поведения личности. Криминальная биология является оружием в руках фашистской буржуазии для расправы в первую очередь с революционными рабочими и коммунистами.

Советская наука может противопоставить этой плоской реакционной теории ломброзианства как выражения идеологии загнивающего капитализма блестящие достижения по линии борьбы с преступностью и перевоспитания правонарушителя (перевоспитание коллектива на Беломорстрое, в трудколониях) и является величайшим триумфом марксистско-ленинской теории.

Построение социалистического общества, ликвидация классов является одновременно и процессом ликвидации условий для правонарушения.

Весьма выпукло проблема расы и связь ее с проблемой гигиены поставлены в докладе, прочитанном 1/VI 1933 г. проф. Прагье в окружном врачебном обществе в Эрлангене («Rassenhigiene im völkischen Staat», D. m. W., № 28, 1933). Мы несколько подробнее остановимся на этом докладе, потому что в нем с глубокой профессорской основательностью вскрывается вся натура определенных «научных» работников в области медицины, расшибающих себе лоб во славу фашизма. Докладчик считает основной проблемой в политике «нового государства» проблему расы. Врачебная корпорация призвана участвовать в сохранении и улучшении расы. Но раса по докладчику — биологическое понятие, взятое из мира животных и растений. Когда-то евгеника была синонимом расовой гигиены. Но теперь, — заявляет докладчик, — это изменилось. Это связано с тем, что отдельные антропологи и историки доказали разную ценность и культурное значение различных рас. Особенно включение немецкой национально-социалистической партией понятия расы в свою политическую программу придавало по докладчику особый привкус слову «раса» в глазах некоторых исследователей и политиков «марксистского, еврейского или либерального направления». «Расовая» гигиена должна дополнить гигиену «личную». «Ее задача — сохранить определенные, культурно особенно ценные расы».

Нужны ли еще комментарии к этому обоснованию оголтелого зоологического национализма, кстати сказать имевшего и отчасти имеющего и у нас своих последователей в лице представителей великодержавного шовинизма и местного национал-демократизма. Вся «научная» галиматья докладчика, как и других ниже цитируемых авторов, по линии апологии расизма является лишь цинично откровенным обоснованием фашистской предприимчивости в области империалистической агрессии. Действительно автор тесно связывает проблемы расизма с «нуждой послеверсальской Германии в пространстве». Но истинные перлы открываются в анализе докладчика причин уменьшения рождаемости. Он конечно не соглашается с тем, что последнее зависит от хозяйственного кризиса капитализма. Виною уменьшения рождаемости является процесс либерализма, демократизация, 8-часовой рабочий день, давшие рабочему большую свободу. Участие женщины в производстве не давало возможности создать семейную жизнь. Докладчик не забывает и о роли академического образования. Его значение по докладчику переоценивалось: каждый отец хотел дать сыну академическое образование, а это он мог предоставить только одному-двум. Какие же выводы для учителя, для психогигиениста? Пропагандировать новое мировоззрение, которое сводится к восстановлению феодального строя, к закабалению женщины, которая должна вновь обрести свое счастье в любви к троице: Kirche, Küche, Kinder. В этом залог победы и для государства, которое должно усилить борьбу против абортотворцев и за утверждение знаменитого § 218. Но кроме количества потомства докладчик останавливается и на вопросе об улучшении его качеств. Здесь он доходит до геркулесовых столбов зоологического национализма, цинично аргументируя глубоко «научной» фразеологией в пользу средневековых методов, к которым вынужден обратиться капитализм в борьбе со своим могильщиком. Выбор супруга решает качество потомства. Поэтому государство обязано «выключить людей, отягченных наследственными болезнями, от возможности дальнейшего размножения». Но это — «эвгеника», важная для всех народов без исключения рас. Расовая же гигиена должна заботиться лишь о высокоценных расах — вот положение, выдвинутое национал-социалистами. Нужно ли к этому добавить, что представители северной расы отличаются «всеми качествами»? Они способны быть вождями, среди них много государственных деятелей, мыслителей, поэтов.

Дифирамб арийской расе, расе «благородных господ», естественно связан с оправданием самого черносотенного антисемитизма. Всякое смещение с представителями чужих рас должно быть прекращено. Такой высокой благородной защитой прогресса оправдываются не только антисемитизм в вопросах брачных, но и отстранение евреев от должностей, от работы учителя, врача. Воистину нет такой подлости, которую ни взялся бы оправдать и восхвалять ученый лакей буржуазии.

Свое заржавелое оружие в защиту гнивающего капитализма современные жрецы буржуазной науки не стесняются заимствовать также из арсенала давно уже скомпрометированного социалдарвинизма, всегда бывшего самым любимым оружием в руках наиболее оголтелой реакции. Однако это отнюдь не мешает воинственно бряцать этим оружием и таким «ученым», как проф. Штеммлер из Хемница, прочитавший доклад «об уменьшении рождений и регрессе расы» перед медицинской и ежедневной печатью.

Автор видит в жизни одну зоологическую борьбу. Растения и животные ведут борьбу на жизнь и смерть. Сильный физически уничтожает слабого. То же человек, то же расы, нации, народы. Сейчас решается вопрос о германском народе, о существовании германской расы. Военно-политическое уничтожение — ничто в сравнении с биологическим. Национально-политическая революция оправдана тем, что она пробудила биологическую силу (Urkraft) германской расы. Биологическая борьба ставит по автору важные задачи и перед врачом. Последний обязан активно участвовать в борьбе с понижением рождаемости и с падением расы. Борьба за существование между народами решается количеством, а на Востоке ежегодный прирост исчисляется миллионами. Понижение рождаемости в Германии зависит не от хозяйственных причин, а от «общематериалистической установки» и от «недостаточной жертвенности» населения. Но еще хуже дело с положением расы. Здесь по автору — качественная сторона вопроса. Рим погиб, когда его полноценные слои были заменены низшими расами. В «свободной» природе борьба ведет к устранению неполноценных. Среди культурного народа есть опасность, что плохое потомство сохранится. Число детей душевнобольных, слабоумных, пьяниц, психопатов даже больше, чем среди остального населения. Это должно нас заставить задуматься. Задачей государства является поддерживать здоровое и уничтожать больное. Необходима стерилизация неполноценных, наследственно больных, преступников. Врачи должны работать вместе с государственной властью. Нужно различать полноценные и малолценные расы. Здоровый немец северной расы является идеалом (Wunschbild). Поэтому мы отрицаем всякое смешение с чуждыми расами. Мы благодарны правительству, что оно провело границу между немецкой кровью и чуждыми расами.

Нужна ли лучшая иллюстрация положения, что «наука» полным ходом идет на помощь полицейской фашистской диктатуре, оправдывая «высокими, идеалистическими» соображениями неслыханный террор, направленный против рабочих, против «плебеев», «сброта», «засоряющего расу», уменьшающего его арийскую, читай: аристократическую, господскую полноценность? Как красноречивы и «убедительны» в своем научном убожестве лакеи буржуазии, подставляющие вместо ожесточенной классовой борьбы биологическую борьбу, закрывающие глаза на солидарность международного пролетариата и открывающие лазей-

ки для проявления международной солидарности буржуазии. Действительно, что означает безумный страх перед народами на восточной границе, как не страх перед победоносным шествием пролетарской революции?

Весьма интересный материал мы находим и в брошюре известного итальянского психиатра-эндокринолога. Пиггини (*le basi biologiche della Democrazia e dell Imperialismo*, Болонья 1926). И итальянский психиатр тем же биологическим методом обосновывает фашизм, заимствуя свое оружие из арсенала своей науки, протестируя ее самым откровенным, циничным образом. Его «научный» анализ столь характерен по своему убожеству, столь явственно выпирают из всех его рассуждений зоологические черты зубра, что мы позволяем себе здесь его подробнее цитировать.

Экономический фактор по Пиггини не является фундаментом социального организма, что доказывается ясной для автора «неудачей (!) эксперимента большевиков», тщетно стремящихся реорганизовать нацию на экономической основе. Марксизму автор противопоставляет свою биологическую теорию, которой и объясняет фашистский переворот. Общество он рассматривает как организм, в котором клетками являются отдельные индивидуумы. Исходя из этой старой наивной концепции Спенсера и др., автор подходит к обоснованию расизма, играющего основную роль в националистических концепциях фашизма. В основе расовых различий по Пиггини лежат эндокринные особенности, которыми объясняются и история народов и их социальная структура. У готтентотов — адипозо-генитальная дистрофия, у египтян — евнухоидизм, у монголов — гипотиреоидизм и т. д. Гипотиреоидизм делал из монголов «расу без инициативы, прозябающую столетиями в состоянии умственного застоя». Наиболее гармонична в эндокринном отношении европейская раса. Но и в пределах отдельных рас имеются группы индивидуумов с различными эндокринными формулами. Судьбы народов зависят от того, находятся ли у власти воинствующие империалистические элементы, умеющие использовать силу, или же расслабляющая демократия. Империалисты — это гипертоники с преобладанием гормонов тиреоидных, гипофизарных, супраренальных и генитальных (*costituzione ipertonica, tiroideo - ipofisario - surreh - genitale*). Это и есть эндокринная формула фашиста (стр. 33). Но этого мало. Эндокринные формулы меняются, и эти изменения в сторону преобладания сильных воинствующих типов приносит... война! Апология войны — это тоже один из символов веры фашиста. Война улучшает эндокринную структуру нации через возбуждение патриотических, воинственных эмоций, влияние которых на эндокринный аппарат автор и обосновывает. Победоносная война переродила итальянскую нацию, сделала ее империалистической и привела к фашизму. Автор скорбит, что война не для всех наций, даже победивших, была столь благодетельна. Главная причина — расслабляющее влияние демократии. Здесь автор скром-

но не договаривает, но из всего изложения ясно, что превыше всех он считает расовые достоинства именно итальянцев, прямых наследников древнего Рима. Войнственные эмоции в этой расе могли создать индивидуальный тип, ныне доминирующий в Италии, а следовательно и фашистскую структуру власти, империализм, ведущий нацию к мировому господству.

Так, концепция избранной расы и апология войны — основные идеи фашизма — получают свое «научное обоснование».

Трудно серьезно критиковать всю эту эндокринную мифологию, всю эту «научную» галиматью. Но мы бы советовали автору присмотреться к тому, что происходит на Дальнем Востоке. Здесь «гипотиреоидные народы», лишенные по классификации автора «империалистического духа» и «прозябающие в сонливой инертности», отнюдь не отстают от «белой расы» в смысле проявления империалистической экспансии, в смысле подготовки величайшей бойни, единственного «рационального» пути разрешения капиталистических противоречий.

Но одновременно с этим на Дальнем же Востоке такие же «гипотиреоидные народы» показывают пример величайшего героизма, пролетарской сознательности, организуя советский Китай и высоко поднимая знамя международной солидарности трудящихся. Нужны ли лучшие образцы, доказывающие, что в каждой нации есть два класса: класс угнетателей и класс угнетенных. Фиговый лист эндокринологии, который автор услужливо предоставляет «своей расе», явно недостаточно закрывает все убожество его «научных» изысканий. Кстати, конечно и японцы считают себя высшей расой, призванной к мировому господству, и даже недавно запретили у себя операцию косоглазия, ценя свои расовые признаки.

В расизме, как и в религии, только своя раса — высшая (что своей религии истинная давно твердо установлено без всякой эндокринологии).

Подобно средневековому астрологу, составляющему по звездам гороскопы венценосцам, Пиггини составляет эндокринную формулу своих властителей и своей расы.

Германские фашисты идут дальше. Их раса конечно тоже самая высшая, но они все же стремятся и активно изменить ее состав и создают национальную расовую евгенику. Соблюдение чистоты расы требует устранения чуждых расовых элементов (Мукерман и др.).

В целях улучшения расы фашистское правительство берет в свои руки регулирование рождаемости и заботу о еще неродившихся. Не беда, если для улучшения расы «сбор» останется без потомства (Гротьян). По Ленцу 10% народа подлежит стерилизации. Формально дело идет об идиотах, эпилептиках и пр., но из приведенных цифр видно, что размах применения стерилизации имеет более далекий прицел и что совершенно ясна классово-направленная угроза врагам фашизма. Бременская группа немецкого общества расовой гигиены опубликовала на тему об

евгенике и стерилизации 5 докладов¹ профессоров различных специальностей — генетика, психиатра, социолога, теолога и юриста, которые, рассмотрев вопрос со всех сторон, единодушно одобряют стерилизацию. Любопытны ханжеские высказывания теолога проф. Альтгауза, который основывается на папской энциклике 1930 г.: *De casto connubio* о целомудренном браке. Стерилизация идет конечно навстречу такому браку. Таким образом немецкая наука услужливо обосновала закон, по которому в 1934 г. предполагается стерилизовать 400 000 человек. Издан аналогичный закон и в Данциге.

III

Совершенно очевидно, что в стране, где пролетариат, угнетаемый и биологически уничтожаемый при бешеной активной поддержке «мастеров науки», героически борется за лучшие идеалы человечества, не могут не пробиваться и в буржуазной литературе и науке отражения влияния идеалов этих классов. Расслоение несомненно происходит и среди психоневрологов Запада, в частности Германии. Перед лицом действительности ряд выдающихся психиатров вынужден внести значительный диссонанс в дружный хор приказчиков буржуазии. Немудрено, что значительная часть из них за это и лишилась возможности работать. Так, мы находим высказывания вроде того, что главные причины названных заболеваний при капиталистическом строе лежат в обнищании (Цимбаль).

К. Бирнабаум в недавно вышедшей монографии² большое внимание уделяет неврозам, развивающимся на почве жизненной нужды; он подвергает их анализу с точки зрения экономических и социальных отношений и выделяет в них различные группы. Там же он вместе с Рейхом³ прямо говорит о неврозе как продукте капиталистического строя. Равным образом у ряда исследователей имеется ясное сознание того, что устранение основных причин роста неврозов находится не в руках врачей.

Акцентуация внимания германских психоневрологов на растущей нервнопсихической заболеваемости и в частности неврозов несомненно свидетельствует, с одной стороны, о тяжелом экономическом положении Германии, особенно сильно заставляющем чувствовать свой гнет на пролетарские слои населения, на безработных, с другой стороны, о том, что в рамках капиталистического строя нет возможности найти эффективные средства борьбы с нервнопсихической заболеваемостью.

Увеличение нервнопсихической заболеваемости в современной

---

¹ «Von der Verhütung un werten Lebens», 1933. Подробный реферат проф. Вайднера и Яурега в приложении *Neue freie Presse* (доклады проф. Баура Мюльмана, Вальтера, Альтгауза, Розенфельда).

² «Sociologie der Neurosen», 1933.

³ «Die seelischen Erkrankungen alssoziales Problem», *Der sociale Arzt*, 1931 г.

Германии в связи с тяжелыми условиями жизни вполне ясно для германских психоневрологов, равно как и то, что применявшиеся до последнего времени методы изжития все увеличивающегося зла оказываются по существу безрезультатными. Тяжесть положения ясно сознается и германскими правителями, которые ищут героических мер для спасения положения. Новый курс в этом отношении обозначился — и очень резко — с начала 1933 г. с приходом к власти правительства Гитлера. В основу новых мероприятий кладется и новая идеология. Общеизвестны идеалистические концепции, которыми проникнуты германские работы о неверии как причине нервноности и психоза, о недостатке социального чувства, которое приводит к заболеваниям у медицинских и других работников, о необходимости притти к абсолюту и через него к социальному включению. Теперь к этим причинам присоединяется новое, гораздо более «важное» и может быть самое основное. Речь идет о загрязнении благородной германской расы, забывшей заветы древних народных вождей и допустившей по слабости души и чересчур широкому толкованию понятия христианской любви к ближнему смешение с чуждыми по духу народами и нациями неарийского (читай еврейского) и не чисто арийского происхождения. В результате получилось ухудшение, озверение прежней «благородной» расы с большим количеством подкидышей, убожков, вырождков, уродов, наглецов, испорченных и преступных людей. Для нервнопсихического оздоровления помимо борьбы с сифилисом, туберкулезом и алкоголизмом необходимы самые решительные меры по очищению германской расы от насевшей на нее человеческой накипи. В работе Штикмана¹ говорится о мудрости древних вождей, всячески охранявших чистоту нации. Очень симптоматично, что он приводит рассказ из Геродота об одном историческом эпизоде, очевидно как образце, достойном подражания: скифы, преследуя кеммерийцев, 28 лет отсутствовали из своей страны и когда возвратились, были встречены войском из вновь народившихся за этот период от их жен и оставленных ими рабов. Вначале предполагалось рассеять силой неожиданных неприятелей, но один из скифов сказал: «Зачем мы будем убивать и уменьшать этим количество наших рабов? Прогоним их плетями и заставим повиноваться нам». Так будто и случилось. «Здоровый гнев арийского рода, замечает Штикман, избег уже 2 тысячи лет назад таким образом возможности порчи своей чистоты и освободился от убожков, произведя эту меру без всякого парламентаризма и осквернения своего доблестного оружия». Такое же стремление к самоочищению по словам Штикмана воодушевляет сейчас весь германский народ, который в корне остался здоровым. «Нашелся и вождь с твердой волей, который высказывает, что мы должны хотеть и что должны делать, не смущаясь никакой ложной и лицемерной гуманностью».

¹ «Erblichkeit, Rassenhygiene u. Bevölkerungspolitik», M. m. V., 15, 1933.

Приблизительно те же высказывания можно найти у такого крупного ученого, являющегося вождем немецких психиатров, как проф. Бонгеффер. Открывая годовое заседание немецких психиатров в Вюрцбурге в мае 1933 г., он заявил: «Так сложилось, что дело открытия нашего собрания знаменательным образом совпало с днем рождения А. Гитлера, первым с того времени, как президент Гинденбург вручил ему полноту власти рейхсканцлера. Г. рейхсканцлер уклоняется сейчас от особых знаков внимания по своему адресу. Тем не менее наиболее главным в наших деловых занятиях должно быть желание, чтобы ему удалось осуществить те великие задачи, которые он ставил перед собой в интересах всего немецкого народа».

Заслуживает очень серьезного внимания психоневрологов упоминавшийся выше, принятый в июле 1933 г. закон о принудительной стерилизации больных с врожденным слабоумием, гетчинсоновской хореей, тяжелым алкоголизмом, маниакально-депрессивным психозом, шизофренией, эпилепсией, а также воров-рецидивистов. С января 1934 г. закон вошел в силу и, судя по газетным известиям, начал уже проводиться в действие. Учитывая современную ситуацию в Германии, можно предвидеть, что принудительная стерилизация будет широко практиковаться как мера для «очищения расы» и будет направлена против так называемого «человеческого сброда» и лиц неарийского и не чисто арийского происхождения. Нужно думать, что дело не ограничится только законом о принудительной стерилизации.

Что борьба за чистоту арийской расы — лейтмотив во всем укладе жизни в современной Германии, в том числе во всех мероприятиях, имеющих психогигиеническую целевую установку, это уже теперь обозначилось с точной определенностью. Ясным становится также истинный смысл этой борьбы по «освобождению от разного сброда (Cesindel), загрязняющего благородную нацию, остающуюся все же в корне здоровой». Очень много можно почерпнуть из той же работы Штикмана, являющейся до известной степени программой психогигиенической работы, как можно усмотреть уже из самого ее названия. Автор охотно вообще черпает материал для своих целей из давнего прошлого и вспоминает историю средневековых домов для чумных и лепрозных больных. Он указывает, что в этих домах находило себе убежище большое количество лентяев и бездельников, которые предпочитают сидеть здесь на государственном пайке вместо того, чтобы работать в поле или в какой-либо мастерской. Разве не сквозит та же мысль о бездельниках, пробирающихся к государственному кошельку, в научных работах, анализирующих материал о последствиях для нервной системы травм головы, полученных на производстве, и приходящих к заключению, что не следует спешить с признанием между тем и другим какой-либо связи. Эта борьба за чистоту арийской расы — по существу классовая борьба «благородного» привилегированного класса за сохранение своего господства и права эксплуатации.

Дело естественно не в стремлении сохранить чистоту арийской расы, а в том, чтобы попытаться повернуть назад колесо истории и возвратиться к средневековью или даже еще более древним временам, когда «проницательные и твердые духом вожди» умели, не смущаясь никакой гуманностью, утверждать свое право сильного и превращать другие «неблагородные» нации (благородной считали только свою) в рабов. Такой твердый духом и крепкий волей вождь по словам Штикмана и явился в лице Гитлера, который по данным коричневой книги плакал только раз в жизни, именно когда с него сняли эполеты. Естественно, что такой возврат в средневековые связан с возрастанием народного невежества, власти поповщины. Удивительно ли при таких условиях сожжение тысячами и десятками тысяч центнеров книг неарийских, не чисто арийских ученых и писателей в Берлине, Дрездене, Бреславле, Франкфурте-на-Майне, в Дюссельдорфе, где между прочим были сожжены произведения З. Фрейда. Удивительно ли, что воинствующим идеализмом был разгромлен институт сексуальной патологии Гиршфельда, равно как и германского отделения амстердамского общества врачей-анти-милитаристов? Естественно, что такой же дух царит и в школе, в которой в качестве высшей добродетели воспитывается безусловное повиновение носителям власти.

Сильная власть внутри должна быть такой же по отношению к другим государствам. Путь рейхсканцлера Германии по своему существу есть своего рода японский Кода-Кай — путь императора, власть которого божественна и которому все должны повиноваться на земле, как должны преклоняться перед Японией все другие государства, которые должны уступить ей дорогу или быть стерты с лица земли как низшие, не имеющие право на существование расы. Здесь и там можно говорить не только о сходстве, но и полном тождестве идеологии и политики. С точки зрения германского фашизма Франция — это раса ублюдков. Еще более низкую оценку находит Советский союз. В романе Геббельса, известного по делу Торглера, Димитрова и других коммунистов, главный герой Мануэл страдает видениями и перед ним в виде злого духа является не кто иной, как русский Иван, пытающийся совратить его в большевизм. В современном германском фашизме очень много от нитцшеанства с его культом сильных, с презрением к слабым, в частности с осуждением христианской морали, еще больше от того тевтонского духа, который воодушевлял немецких крестоносцев, когда они теснили своих соседей, стремясь к их оттеснению.

То, что сейчас проводится в Германии, по существу поход германской свастики против серпа и молота. Эта борьба идет на всех фронтах, в частности в психоневрологии. В то же время ясно, что — это путь, ведущий к варварству и мракобесию. Очень показательным, что герой драмы Шлагетер идеолога современной Германии Ганса Юста восклицает: «Wenn ich das Wort «Kultur» höre, entsichere ich meinen Browning».

В этом страхе перед культурой, в этом воинственном фашизме — зловещие сигналы не только локализованных пределами государства осложнений. Сигналы эти заставляют нас с тем большей бдительностью присматриваться к тому, что творится.

IV¹

Глубочайший кризис, переживаемый в течение последних десятилетий всей буржуазной психологией, принял небывалые еще в истории психологической науки острые, уродливые и отвратительные формы после фашистского переворота в Германии. Новый режим катастрофически ускорил созревание и обнаружение целого ряда смутных, неосознанных до конца, замаскированных тенденций, которые с удивительной быстротой в течение одного года привели к оформлению основного ядра в системе фашистской психологии. Политический заказ нового режима подействовал как катализатор на процессы разложения и гниения, и раньше вплетавшиеся в общую ткань кризиса, и довел их до совершенно небывалой остроты.

О создании новой психологии за короткий срок, протекший со времени установления фашистского режима, конечно не может быть и речи. Фашизм начал проникать в психологию другим путем. Он перестроил ряды немецкой психологии, выдвинув на первый план все самое реакционное, что только в ней было. Но одного этого было недостаточно. Необходимо было, как уже сказано, в кратчайший срок сколотить систему психологии, которая отвечала бы всей идеологии фашизма.

Немецкие каталоги по философии, психологии и педагогике запестрели названиями вроде: «Исследование семьи и наследственности», «Исследование расы». Наиболее реакционные идеалистические школы наспех стали пересматривать свой материал и перестраивать его таким образом, чтобы он мог дать фактическое обоснование для фашистской психологии.

Э. Шпрангер, один из наиболее откровенных и последовательных проводников классовой буржуазной точки зрения в психологии, выступил с обоснованием немецкой национальной идеи средствами психологического учения о личности. Правда, вскоре после переворота газеты сообщили о том, что Шпрангер в виде протеста ушел из Берлинского университета. Но повидимому эта короткая фаза протеста сменилась сейчас усердным служением движению.

Шпрангер всегда в психологии защищал идею существования различных жизненных форм, различных типов личности. Эти жизненные формы для Шпрангера раньше всего национальные формы. В своей широко известной «Психологии юношеского возраста» он говорит, что структура юношеской личности, которую он описывает, свойственна немецкому юноше. Еврейский

¹ Глава написана проф. Л. С. Выготским.

подросток, — говорит он, — обнаруживает существенно отличные черты, а по отношению к русскому душевному типу все мы испытываем несмотря на видимое приближение предостерегающее чувство далеко идущей чуждости. Но и внутри немецкого национального типа он выделяет образованных подростков: «мы назвали бы их буржуазными подростками, если бы это обозначение не стало поверхностным политическим словечком».

С другой стороны подходит к обоснованию фашистской психологии другой известнейший немецкий психолог Н. Ах. Если Шпрангер останавливается на проблемах национального типа личности, то Ах выбирает еще более острую проблему. В течение многих лет этот исследователь разрабатывал проблемы воли, изучая влияние детерминирующих тенденций во внешней и внутренней деятельности человека. Сейчас оказалось, что установление законов детерминационной психологии имеет фундаментальное значение для проблемы вождя. На Лейпцигском психологическом конгрессе в 1933 г. Ах выступил с докладом о детерминационной психологии и ее значении для проблемы вождя. В этом докладе Ах занялся исследованием чистоты происхождения своей собственной теории. Он рассмотрел все этапы развития детерминационной психологии, начиная с 1904 г., и пришел к выводу, что его психология все время стояла в самом остром противоречии с индивидуалистически-либералистическим пониманием душевной жизни.

Таким образом прорезались две основные идеи, которые повидимому призваны сыграть организующую роль для всей системы фашистской психологии: первая идея — национальный тип, вторая идея — волюнтаризм и проблема вождя.

Но наиболее широкую попытку обоснования фашистской психологии предпринял третий из немецких психологов Эрих Иенш, ученый, пользующийся мировой известностью, широко разработавший проблемы восприятия и памяти с точки зрения эйдетики и психологической типологии. Иенш выпустил специальную работу: «Состояние и задачи психологии. Ее миссия в немецком национальном движении и в перестройке культуры». В этой книге Иенш дает целую систему фашистской психологии, систему, которая вероятно на ближайшее время определит пути и судьбы фашистского крыла немецкой психологии. Иенш, так же как и Ах и Шпрангер, протягивает прямые нити от своих прежних работ к фашистской психологии, поэтому на примере его книги особенно легко проследить, как тенденции, обнаружившиеся сейчас в самой цинической форме, вызревали в немецкой идеалистической психологии задолго до того, как на их долю выпала миссия обслуживать немецкое национальное движение и что нового внесла с собой эта миссия, определившая несомненно новый этап психологического кризиса — этап небывалого и самого острого загнивания буржуазной научной мысли.

Книга Иенша проникнута воинственным духом. Она по мысли автора должна служить военным манифестом для создания но-

вого боевого отряда, утверждающего фашизм в науке. Сам автор как ученый заявляет о себе, что он головой и сердцем хочет служить немецкому культурному движению, ибо это служение в конечном счете есть не только служение одной Германии, но и интересам всего человечества. Но в военных вопросах на первом месте должно быть поставлено: против кого и против чего.

На этот вопрос Иенш отвечает с полной откровенностью: против марксизма и против Советского союза. Он указывает на то, что в СССР организованы психологические, биологические и антропологические институты, что работа этих институтов поставлена на службу господствующей у нас теории, что в СССР существует острый научный интерес к тому, что делается в области этих проблем в европейской науке, в частности, что его собственные прежние исследования получили известность в нашей стране. Все это является показателем того, насколько важны эти проблемы и насколько они тесно могут быть связаны с политическими задачами. В самом существовании этих советских институтов Иенш видит прямую опасность распространения материализма за пределами советской научной мысли. Это — главная опасность, с ней надо бороться прежде всего. «Эти факты напоминают, — говорит Иенш, — что в Германии не только в географическом отношении, но и в духовном отношении должен быть создан защитный вал для предохранения европейской культуры от проникающей в нее материалистической волны, — и нашей науке предстоят здесь особо важные задачи».

Главный грех марксизма Иенш видит в том, что марксистская антропология есть не психологическое и не биологическое учение о человеке. Марксистская антропология есть социология. Из конкретных исторических условий общественной жизни марксизм объясняет основные проблемы личности. Иенш идет прямо противоположным путем. Из биологического и психологического учения о человеке, из антропологии, он хочет объяснить все основные социальные проблемы не только внутригерманские, но и всемирные. В этом основной методологический принцип всей новой системы психологии.

Остановимся несколько подробнее на выяснении этого основного принципа. Антропология — это ключ ко всем проблемам мировой политики. Психология изучает высшую форму целостности, человеческую личность. На этом пути она сталкивается с жизненно важными задачами. Важнейшие задачи мировой политики, — говорит Иенш, — могут быть разрешены только психологами, которые должны установить строго эмпирически и точно определенные своеобразные основные структуры личности, которые господствуют у определенных народов и которые в течение веков представляют область беспокойства и угрозы европейскому миру. Это является не только важнейшей задачей для пропаганды немецкого движения, но и необходимым в интересах всего мира разъяснением этих вопросов. Необходимо открыть глаза всему миру и ознакомить народы земли с этими

фактами. Иеншу кажется, что на его долю выпала миссия выполнить план Лейбница, научно обосновать политику. Но это научное обоснование политики должно покоиться на антропологии, на учении о природе человека.

Природу же человеческой личности Иенш понимает интегрально, целостно. Несмотря на то что многое в учениях о расе и крови остается еще неясным, — говорит Иенш, — все же следует допустить, что мир идей человека зависит не только от духовных факторов, но и от его общего бытия. Это общее бытие включает в себя и физическое бытие как предпосылку идейного мира. Надо сохранять в чистоте это общее бытие человека, включая и физическое, для того чтобы сохранить чистоту идей. Для того чтобы внести изменения в мир идей, недостаточно одни идеи заменить другими. Этого недостаточно также и для того, чтобы сохранить в чистоте новые идеи. Но то и другое непременно требует изменения общего бытия. Учение о крови и расе представляет собой самую острейшую противоположность всех современных форм философского идеализма, которые утверждают примат сознания и идей над бытием. В действительности существует обратное отношение. Учение о крови и расе доказывает примат человеческого общего бытия, включая и его элементарные, особенно врожденные детерминации над миром идей. Это же самое доказывает и современная психология, устанавливая нерасторжимую связь между самыми элементарными и низшими психофизиологическими процессами и самыми высшими формами идейной жизни. Поэтому не должно быть бездны между психологией и аутохтонной расовой биологией: обе должны работать рука об руку. В учении о расе и в психологии заложены истины немецкого идеализма, возможность возврата к его первоначальному образу.

Таким образом немецкий идеализм в понимании Иенша — это совсем особый идеализм. Он необходимо должен объединяться с расовой идеологией и признать примат крови и расы — этих врожденных детерминаций над миром идей. Это — реалистический идеализм, как называл его раньше сам Иенш. Идеи сами по себе бессильны и бесплодны, если они не связаны с физическим бытием. Только в чисто немецкой плоти и крови могут благополучно развиваться чистые немецкие идеи. Иенш проповедует открыто и прямо поход против старого, смешного и бессильного в эпоху фашизма немецкого идеализма. Этот идеализм надо подковать снизу, чтобы придать ему устойчивость и силы. Иенш уважает только сильные идеи, — те, которые могут господствовать и побеждать. Он даже готов сослаться на Маркса и согласиться с ним, что те, кто принимает идеи за самостоятельную область бытия, грубо ошибаются, принимая последнее за первое и результат за первопричину. За изменениями идей стоит всегда изменение людей. Иенш утверждает примат народного движения над национальными идеями. Во всех областях жизни к власти приходят те люди, структура которых приспособляется к

внешнему миру. Поэтому психология и немецкое движение должны идти нога в ногу, причем психология должна осмысливать и освещать светом разума инстинктивные чаяния, заложенные в национальном движении. Поэтому для того чтобы исцелить дряхлый идеализм, Иенш ищет для него опоры в немецком крестьянстве, сиречь аграриях. «Философ, — говорит он, — подает руку крестьянину. Так заключается союз штыка и идеи, научной психологии и штурмовых отрядов».

Можно показать на конкретном примере, как, исходя из этих своих общих точек зрения, Иенш решает конкретные политические проблемы, как он пытается антропологией и психологией научно обосновать политику. В рассматриваемой книге Иенш находит необходимым отказаться от приписываемого ему мнения, будто Германию и Францию разделяет глубочайшая бездна, существующая между двумя противоположными душевными структурами, французской и немецкой, и исключая всякую возможность взаимного понимания. Иенш сейчас готов допустить, что с антропологической точки зрения отношения между этими двумя великими народами могут измениться и к лучшему. Он рассуждает строго эмпирически и точно, определяя в психологической лаборатории судьбы народов и отношение между ними совершенно так же, как обычно определяют пригодность испытуемого к какой-либо профессии. При этом Иенш сам не замечает невероятной комичности всех этих рассуждений. Но отсутствие юмора принадлежит вероятно к числу необходимых и притом врожденных вместе с расой и кровью свойств для развития «чистых немецких идей».

Каждый великий народ, — рассуждает Иенш, — имеет много структур. В народе существуют не только те душевные структуры, которые являются руководящими в данную эпоху, но и другие. В Германии мы заняты сейчас исцелением основного национального типа. Это исцеление основано на соединении типа немецкого идеалиста с крестьянским, более связанным с землей типом. Обе эти структуры должны оплодотворять друг друга. Нужно поднять крестьянский тип несколько вверх и нужно подстроить и укрепить снизу тип идеалиста. На языке интегральной типологии это означает сплав структур. Если и другие народы сделают то же, пойдут по предначертанному им пути и пересмотрят свои ведущие структуры, тогда немцы и французы смогут понять друг друга. В каждом народе заключены большие возможности развития.

Трудно поверить, что эти строки написаны в 30-х годах XX столетия. Трудно поверить, что сам автор серьезно верит в свою идею перестройки отношений между народами на основании психологических интеграционных формул. Но Иенш делает все для того, чтобы разуверить нас в несерьезности его положений. Он не притворяется, он верит на самом деле.

Определяя круг задач психологии, он заполняет этот круг исключительно теми задачами, которые в другой обстановке и в

другое время могли бы сойти за бредовую систему идей при какой-нибудь параное, но которые на самом деле являются языком реальной фашистской политики в науке. Национальному движению, как мы уже слышали, по Иеншу принадлежит примат над идеями. Психология должна идти нога в ногу с немецким движением. Психологическая антропология является важнейшей основой философии действительности и научного построения политики. Раса и кровь, кровь и раса: это лежит в основе всего. От строения капиллярной сети и до мировоззрения протягивается единая прямолинейная нить. Ученые начинают мыслить повоенному — круто, прямолинейно и решительно. Где нехватает логики, там начинается философия императива.

Счастливая Германия! Ей не пришлось по совету Скалозуба фельдфебеля в Вольтеры дать. Фашистские Вольтеры сами охотно перевоплотились в фельдфебелей немецкого национального движения.

И вот развивается эта фельдфебельская антропология и фельдфебельская политика. Отношения между народами определяются тем, что в основе различных культур лежат различные душевные структуры людей, принадлежащих к определенному национальному типу. Последней мудростью фашистской философии объявляется критический антропоморфизм, с точки зрения которого Иенш рассматривает все основные проблемы фашистского государства. Он уже разрешил, как мы видели, с точки зрения интегральной типологии основные вопросы немецкой политики — внутренней и внешней. Антропологической формулой определяется нерасторжимый союз идеалиста-философа в городе и крестьянина-кулака в деревне. На простом языке эта формула означает, что немецкий философ должен проникнуться до конца кулацкой идеологией. Это и называется на языке Иенша подстроить снизу и укрепить тип немецкого идеалиста. Кулак же должен поверить философу, что отвечающая его интересам политика проводится на основании точных выкладок и формул типологической химии и что его шкурные интересы обеспечиваются возвратом к первоначальному образу немецкого идеализма и отвечают духовному возрождению всего человечества.

Под углом зрения этой основной идеи Иенш разрешает проблему отношения индивида к государству. Смысл происшедшего переворота в Германии Иенш видит в борьбе двух структур, из которых одна, победившая под знаком свастики, стремится превратить общее (государство) в органическое целое, построенное по законам психологической антропологии на основе чистоты физического бытия нации, на основе единой формулы крови и душевной структуры. Но критический антропоморфизм не стоил бы дорого в глазах самого Иенша, если бы он не позволял с подкупающей простотой, доступной всякому среднему крестьянскому уму чистокровного немца, не понять той простой истины, что теми же формулами определяются и отношения народов. Один тип душевной структуры определяет в каждую эпоху националь-

ный характер. Высший тип и высший характер — это конечно немецкий. Поэтому критический антропоморфизм интересуется проблемой не человека вообще, но человека-немца.

С помощью очень простого рассуждения Иеншу удается, пользуясь все той же логикой систематизированного бреда, доказать, что задача немецкого духа — вести человечество вперед, для этого стоит только вспомнить, что различные душевные структуры, различные типы личностей получают свое наиболее яркое выражение в определенные возрастные эпохи развития человека. Счастливое совпадение: оказывается, что высший человеческий тип, т. е. немецкий фашистский тип, по своей химической формуле совпадает с юношеским типом, основное отличие которого заключается в вечном стремлении вперед, к совершенствованию всего человечества. Таков смысл немецкого движения по Иеншу, таков круг задач немецкой психологии, желающей перевести на язык научного сознания зоологические инстинкты воинствующего фашизма.

Остаются в сущности пустяки — остается наметить программу разрешения всех важнейших задач мировой политики средствами психологической лаборатории, остается научно обосновать политику. Остается разъяснить народам всего мира спасительные типологические формулы и тем самым обосновать на языке реалистического идеализма святость фашистского штыка и силу немецкой идеи. Нам остается еще рассмотреть только внутренние методологические основы этого систематизированного бреда. Иенш должен произвести несколько мучительных операций над живым телом немецкой научной психологии, для того чтобы утвердить окончательно господство фашизма в той области научного знания, которая отдана под его попечение. Ведь немецкая научная психология складывалась в течение веков. Она накопила в себе не только то, что годится на потребу фашизму, но и многое такое, что является действительными массивами подлинного научного знания. Каждый камень в здании научной психологии вопиет против того чудовищного бреда, который Иенш пытается превратить в научную психологию. Поэтому надо ликвидировать всякую подлинную науку в области психологии. Иеншу остается совершить в идейном плане тот разгром научной психологии, который в плане расовой политики совершили уже в порядке разделения труда политики фашизма. Германия после переворота потеряла, как известно, лучшую, наиболее научную и прогрессивную часть психологов. Так как Иенш твердо знает, что силу имеет только реалистический идеализм, что идеи без штыка не стоят ломаного гроша, ему остается только сделать идейные выводы из реальных политических репрессий.

Иенш берется за это с беззаботностью и вежливостью философа-фельдфебеля. Он не может не признать, что психология переживала серьезный кризис. Но кризис предполагает известную борьбу идей, а в этой борьбе Иенш не согласен опираться

ся только на силу идей. Он противник беспочвенного, оторванного от реальной действительности идеализма, поэтому он справляется с психологическим кризисом по-военному — в два счета. Раз: кризис был несомненный, — заявляет Иенш, — но он преодолен, о нем нельзя говорить как о настоящем.

Два: кризиса вообще не было. Это был кризис методический, а не теоретический. Когда психология элемента Эббингауза столкнулась со структурной психологией Дильтея, ассоциационная психология уже не была живой теорией, она только как метод исследования противостояла структурной психологии. Поэтому немецкая гештальт-психология в сущности воевала с призраками, когда выступала против атомистической теории психики. Она защищала теорию против метода. Иенш ссылается на устное мнение своего знакомого англичанина, который заверил его, что в этом движении психологической мысли, во всяком случае наиболее прогрессивном из всех психологических направлений нашего времени, нет ничего такого, что бы уже не содержалось в работах Стоута и Ширрингтона. Идея целого, определяющего свои части, является изначальной идеей немецкой психологии. Она не исключает, а предполагает и психологию элементов. Единство психологии восстанавливается магически просто. Не или-или, поучает Иенш, а и-и. Иенш должен расправиться с гештальт-психологией, которая, кстати сказать, не только потеряла за последний год своего основателя Вертхеймера, одного из замечательнейших психологов современности, но и вообще оказалась в Германии представленной одним только человеком. В чем же грех гештальт-психологии? Как это уже давно доказывал Иенш, эта теория неблагополучна по материализму, по ее тенденции к монистическому рассмотрению психологических структур, к нахождению принципиального единства в психической и физиологической структуре. Отрицание того, что структура является чисто духовным образованием, ее научный интерес к сближению психологической теории с физиологией и теоретической физикой — всегда вызывали со стороны Иенша жестокий отпор. Кстати сказать, у него есть старые счеты с этой теорией. Ее представители давно и открыто взяли под подозрение строгую научность иеншевских исследований, всегда имевших тенденцию растворяться в безбрежном море идеалистического тумана. Они называли его исследования их истинным именем. Они упрекали его в диллетантизме и в готовности изменить всякую минуту точному научному знанию, научной истине во имя предвзятых идей. Они, как показало время, оказались еще недостаточно дальновидными, так как не могли подозревать, как далеко пойдет Иенш по этому пути.

Иенш конечно не против физики. Напротив, как мы видели, без самой грубой физики он считает невозможным проникнуть в глубины душевной структуры личности. Кровь и раса определяют чистоту идей. В известном смысле Иенш идет в отношении сведения психического к физикальному гораздо дальше Келле-

ся только на силу идей. Он противник беспочвенного, оторванного от реальной действительности идеализма, поэтому он справляется с психологическим кризисом по-военному — в два счета. Раз: кризис был несомненный, — заявляет Иенш, — но он преодолен, о нем нельзя говорить как о настоящем.

Два: кризиса вообще не было. Это был кризис методический, а не теоретический. Когда психология элемента Эббингауза столкнулась со структурной психологией Дильтея, ассоциационная психология уже не была живой теорией, она только как метод исследования противостояла структурной психологии. Поэтому немецкая гештальт-психология в сущности воевала с призраками, когда выступала против атомистической теории психики. Она защищала теорию против метода. Иенш ссылается на устное мнение своего знакомого англичанина, который заверил его, что в этом движении психологической мысли, во всяком случае наиболее прогрессивном из всех психологических направлений нашего времени, нет ничего такого, что бы уже не содержалось в работах Стоута и Ширрингтона. Идея целого, определяющего свои части, является изначальной идеей немецкой психологии. Она не исключает, а предполагает и психологию элементов. Единство психологии восстанавливается магически просто. Не или-или, поучает Иенш, а и-и. Иенш должен расправиться с гештальт-психологией, которая, кстати сказать, не только потеряла за последний год своего основателя Вертхеймера, одного из замечательнейших психологов современности, но и вообще оказалась в Германии представленной одним только человеком. В чем же грех гештальт-психологии? Как это уже давно доказывал Иенш, эта теория неблагополучна по материализму, по ее тенденции к монистическому рассмотрению психологических структур, к нахождению принципиального единства в психической и физиологической структуре. Отрицание того, что структура является чисто духовным образованием, ее научный интерес к сближению психологической теории с физиологией и теоретической физикой — всегда вызывали со стороны Иенша жестокий отпор. Кстати сказать, у него есть старые счета с этой теорией. Ее представители давно и открыто взяли под подозрение строгую научность иеншевских исследований, всегда имевших тенденцию растворяться в безбрежном море идеалистического тумана. Они называли его исследования их истинным именем. Они упрекали его в дилетантизме и в готовности изменить всякую минуту точному научному знанию, научной истине во имя предвзятых идей. Они, как показало время, оказались еще недостаточно дальновидными, так как не могли подозревать, как далеко пойдет Иенш по этому пути.

Иенш конечно не против физики. Напротив, как мы видели, без самой грубой физики он считает невозможным проникнуть в глубины душевной структуры личности. Кровь и раса определяют чистоту идей. В известном смысле Иенш идет в отношении сведения психического к физикальному гораздо дальше Келле-

ра. Еще меньше он возражает по существу против тенденции понимать психическое в свете биологии. Но только ему нужны другая физика и другая биология.

Сближение психического и физикального надо искать, — говорит Иенш, — не в области широко известных физических структур, но в сфере особых физических закономерностей, родственных психическим. Телоформные принципы физики и особые процессы, мнемические явления неорганической природы должны здесь выступить на первый план. На простом языке это значит, что не научная материалистическая физика, но идеалистические извращения физической теории, находящие телоформные и мнемические принципы неорганической природы, должны явиться местом, соединяющим физическое и психическое в человеке. Как видим, Иенш остается совершенно верным своему реал-идеализму. Надо телеолизировать и наделить мнемой физическое для того, чтобы оправдать и узаконить точку зрения крови и расы в психологической антропологии.

Он обвиняет далее гештальт-психологию в том, что она не различает различных форм целого, в биологии она не опирается на психовитализм Дриша и Бехера. Иеншу потребна виталистическая биология, как и идеалистическая физика. Поэтому эта теория допускает нивелировку ступеней, принципиально сближая психические и физические структуры. Он чуточку передергивает, утверждая, что Кофка — проблемы развития, а Левин — проблемы воли сводят, как и все вообще высшие ступени, на ступень электрических процессов.

Но Иенш все же не брезгует основным принципом гештальт-психологии — принципом целостности. Он только полагает, что этот принцип надо поставить на службу фашизму. Он призван обосновать и укрепить теорию крови и расы. Высшая форма целостности — это личность, в которой все нерасторжимо, связанное воедино, так что, если даны врожденные особенности расы и крови, тем самым уже дан идейный мир личности.

Для полноты картины остается только определить кровь и расу новой системы психологии, проповедуемой Иеншем. Он сам называет своих предков. Как легко было ожидать с самого начала, среди них оказывается не много не мало 99% немецких психологов. Большая линия немецкого идеализма, — говорит Иенш, — ведет от мистика Эккерта и немецких мистиков через Лейбница, Канта, Фехнера, Гельмгольца, Вундта, Кюльпе и Брентано стремительно и прямо к фашизму психологии и к самому Иеншу. Это выданный им самому себе духовный паспорт.

Мы изложили в сжатых и кратких чертах состояние психологии и круг ее важнейших задач, как они рисуются в воинственном фашистском манифесте Иенша. Мы оставили в стороне только философскую часть его системы, изложенную в книге суммарно и сжато, но развитую более подробно и обстоятельно в его прежних работах, до переворота. Мы еще вернемся в ближайшее время к рассмотрению основ его философской антропо-

логии, полагая, что в задачу настоящей статьи не может войти сколько-нибудь серьезная научная критика и анализ этого манифеста по существу содержащихся в нем положений. Они не только не нуждаются в научной критике, но и прямо исключают ее. Возражать Иеншу по существу означало бы то же самое, что опровергать бред с помощью логических аргументов.

Но нас сейчас не могут не интересовать две вещи: во-первых, внутренняя связь этих бредоподобных научных построений со всем кризисом буржуазной психологической мысли и, во-вторых, выяснение того нового, что внесла фашистская психология в ход дальнейшего развития буржуазной психологии. На этих двух моментах мы в заключение и остановимся.

Было бы наивно думать, что эти бредоподобные построения никак не связаны со всем кризисом буржуазной психологии, что буржуазная психология вообще никак не отвечает за эти конструкции. Ведь и истинный бред душевнобольного бывает связан с его преморбидной личностью. На самом деле на этом примере острого и гнилостного разложения научной мысли сказываются в гиперболической форме те процессы загнивания, которые завели психологическую мысль за десятилетия кризиса в безвыходный тупик. Система Иенша держится, в сущности говоря, на тех же самых методологических основах, на которых строится и вся буржуазная психология. Она представляет собой интеграцию идеализма и механицизма, подобную той типологической интеграции, которую Иенш хочет видеть в объединении немецкого философа и крестьянина. Выньте один из этих устоев — и вся система Иенша моментально разрушится. Соединение механизма и идеализма в одно фашистское целое составляет альфу и омегу всей методологии иеншевской системы. Новизна его построения заключается только в том, что он по-новому соединяет оба элемента. В то время как в большинстве других психологических направлений эти элементы неосознанно для самих авторов переплетаются друг с другом, Иенш целиком и полностью объединяет то и другое, взятое во всем объеме и во всем значении, присущем каждому из этих принципов.

Без чудовищного механицизма он не мог бы построить идеализм снизу и протянуть единую нить от крови и расы к миру идей. Но без столь же чудовищного идеализма он оказался бы столь же бессилен перед задачей замаскировать звериное лицо фашистской антропологии типологической маской самой совершенной на земле немецкой личности.

Приведение механицизма и идеализма к общему знаменателю, выстраивание в один ряд самых элементарных физико-химических процессов в человеческом организме и высших функций сознания необходимо предполагает и второй доведенный до чудовищной крайности, но, в сущности говоря, присущий в той или иной мере всей буржуазной психологии порок: отрицание социальной природы человека. Социология вовсе выпадает из системы Иенша. Раса и кровь непосредственно определяют струк-

туру личности, а через нее и политику. И здесь Йенш довел только до крайней степени остроты и цинической откровенности то, что заложено в самых основах буржуазной науки. Он откровенно заговорил на языке погромной политики. Он цинично и откровенно взялся обосновать союз ученых и штурмовиков, союз штыка и идеи. То, что другие маскируют и субъективно плохо сознают, Йенш сказал открыто и цинично. Он сказал лишь то, что другие думают или во всяком случае делают. Он сказал, что быть буржуазным ученым значит обслуживать нужды буржуазии, выдвигаемые в данную эпоху, сражаться оружием науки за те политические задачи, которые выдвигаются на сегодняшний день. Он сказал, что нет беспартийной науки, что нет науки вне политики:

Удивительно ли после этого, что первая попытка оказалась такой неудачной и такой грубой? Перед Йеншем стояла задача не из легких: повернуть науку назад к средневековью и зачеркнуть добытые усилиями человеческой мысли научные истины, накапливаемые в течение веков. Йенш и сделал это по-фельдфебельски, и он видимо мало озабочен тем, что, стремясь представить идеально немецкий тип в привлекательном виде сверхчеловека, он на самом деле представил лишь то, что Нитцше называл: *die blonde Bestie*, звериный лик зоологического национализма.

Положительное значение книги Йенша заключается в том, что в ней сброшены все маски. Дипломатическое лицемерие может только помешать во время последнего и решительного боя, — самого великого и справедливого из всех, которые только знало человечество на протяжении своей истории. Два мира и две системы идей открыто противостоят друг другу. Книга Йенша, как и вся фашизация психологии, не может не привести к страшному обострению классовой борьбы в науке вообще и в психологии в частности. Это возлагает на советскую психологию особо серьезную ответственность. Она должна помнить о своем внешнем международном фронте, которому она до сих пор уделяла недостаточно внимания. Ее союзниками в этой борьбе будут не только немецкие пролетарии, но и пролетарии всех стран. Наступают времена, когда и слепому становится ясным, что, в то время как на одной шестой части суши люди борются за освобождение всего человечества, за возможности действительно высшего, нового и небывалого еще в истории типа человеческой личности, когда угнетенные и отсталые народности одна за другой выдвигаются в авангард человечества, в лагере буржуазии сознание людей ориентируется по обломкам воскрешаемого средневековья.

Цена 40 коп.

МД 4